

УДК 94(436).08

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/6

О ЗАДАЧАХ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЛАСТЯМ И НАРОДНОСТЯМ НЫНЕШНЕЙ ВЕНГРИИ

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович поднял вопрос об изучении истории славян Венгрии. В то время венгерские власти пытались ассимилировать все невенгерские народности, «убрать» славянство из истории своей страны. Исследователь предлагает российским ученым активизировать изучение этой темы.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Венгрия, славяне, русины, мадьяризм.

ON THE OBJECTIVES OF SLAVIC-RUSSIAN ARCHEOLOGY CONCERNING REGIONS AND NATIONALITIES OF PRESENT-DAY HUNGARY

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich raised the question about the study of the history of the Slavs of Hungary. At the time the Hungarian authorities endeavored to assimilate all non-Hungarian peoples, "remove" Slavic civilization from the history of its country. The researcher proposed to Russian scholars that the study of this theme be initiated.

Keywords: A.S. Budilovich, Hungary, Slavs, Rusins, Magyarisism/

Хотя местная прибалтийская археология не может не считаться основной задачей Археологического съезда, собравшегося в г. Риге, тем не менее часть его внимания как съезда общерусского должна, конечно, быть обращена и на другие важные задачи русской археологии, отчасти же и тесно с ней связанной археологии общеславянской. В этом предположении я позволяю себе обратить внимание на вопрос, который, выходя за рамки археологии прибалтийской, составляет, однако, органическую часть археологии русской, осо-

бенно для древнейших периодов русской жизни, когда она протекала параллельно с жизнью прочих славянских народов, отчасти и в тесном взаимодействии с последними. К тому же нельзя упускать из виду, что даже для тех русских археологов, которые склонны ограничивать задачи своей науки исследованием доисторических и исторических древностей в пределах Русского государства, превращая, таким образом, археологию из науки этнологической в науку государственную, не может быть совершенно чуждой археология венгерская, или угорская, в частности же археология угрорусская и т. д., ибо в противном случае они были бы лишены возможности изучать русскую археологию сравнительно с русскими родственными ей отделами археологии европейской, т.е. были бы лишены того сравнительно-исторического метода, который оказался столь плодотворным в языковедении, мифологии, этнологии, социологии, даже вообще в истории и прочих науках гуманитарных, в том числе и в общей археологии.

Но и независимо от этих методологических соображений археология областей и народов нынешней Венгрии не может быть для нас безразлична и по своему содержанию.

Не разделяя высокомерного взгляда на эту землю местных - старых и новых - патриотов, выраженного в известном латинском двустишии:

Extra Hungariam non est vita:

Si est vita, non est ita,

мы не можем, однако, не признать, что по своему географическому положению, племенному составу и культурно-историческим отношениям страна эта имеет особую важность для научного изучения вообще, а археологического в частности, особенно в системе археологии славяно-русской. В самом деле, Венгрия - это как бы мост от областей русских к чехо-словенским, с одной стороны, а сербохорватским и словинским - с другой, в более же широком смысле - от мира восточного, сарматского, потом греко-славянского, к миру западному, римскому, романо-германскому.

Такое значение принадлежит Венгрии не в настоящее лишь время, но еще более - в прошедшем, во всяком же случае, с той отдаленной поры, когда, по словам нашей Начальной летописи, «сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне земля угорьска и болгарска».

То обстоятельство, что в середине Венгрии и на её юго-восточной окраине живут довольно плотной массой народы неславянские, именно мадьяры и румыны, вовсе не лишает этой страны значения срединного узла всего славянства, ибо названные инородцы настолько смешались со славянами в смысле физическом и нравст-

венном, что являются ныне как бы полуславянами и, след., законным предметом изучения в славянской этнологии, истории, археологии. С другой стороны, чудское происхождение мадьяр делает их территорию, предания, быт, важным подспорьем для чудского отдела нашей археологии, в которой они должны занять место наряду с эстами, финнами, корелю, мордвою и другими нашими инородцами чудского корня.

Чтобы видеть всю важность для славяно-русской археологии вопросов, решение которых невозможно без основательного изучения вещественных и бытовых остатков угро-славянской старины, достаточно напомнить хоть некоторые из этих вопросов, например, о времени поселения славян за Карпатами и расселения их оттуда; об отношении угорских и дакийских славян к дакам и гетам, иллирам и языгам, кельтам и германцам, римлянам и валахам; о происхождении и древнейших границах Закарпатской Руси; о местоположении и племенных соотношениях Белой Сербии и Белой Хорватии; о древнейших племенных отношениях славян фрако-болгарских с одной стороны, а панноно-хорутанских - с другой; о племенных отношениях и дальнейших перерождениях гуннов и авар, угров и печенегов, половцев и узов; о племенном составе и культурном наследии Великоморавского государства; о первоначальной площади распространения кириллицы и глаголицы; о паннонизме в церковнославянской письменности в связи с историей Задунайской Венгрии; о времени и обстоятельствах распространения христианства между подкарпатскими славянами; о роли Венгрии в культурной борьбе мира латино-немецкого с греко-славянским и т. п. При изучении «Славянских древностей» Шафарика на каждой почти странице можно заметить, сколь важным подспорьем было для него при разработке этого сочинения близкое знакомство с географией, этнографией и историей родной ему Венгрии. Потому-то позволительно высказать предположение, что слабая разработка угро-славянских древностей является главным тормозом в дальнейшем развитии славянской археологии и истории.

Но, быть может, нам стоит лишь подождать, и все упомянутые, равно как и другие, смежные вопросы угро-славянской древности будут постепенно решены местными силами, в частности же мадьярскими учеными учреждениями и обществами, в каковых нет недостатка в Будапеште и многих других городах нынешней Венгрии? Ведь имеются же там археологические общества, музеи, коллекции, производятся раскопки, исследования, издания, словом, живёт и развивается мадьярская археологическая наука, в интересах которой организована была и выставка древностей в составе общей бу-

дапештской милленарной выставки 1896. Конечно, все это имеется в Венгрии, и на содействие местной мадьярской археологии можно до некоторой степени рассчитывать по вопросам археологии до-исторической, а также по археологии эпох римской, кельтской, до некоторой же степени и готской, гуннской, аварской, мадьярской, половецкой, турецкой. Но по отношению к археологии угро-славянской на труды учёных и учреждений мадьярских мы рассчитывать никак не должны.

Со времени возникновения и постепенного развития в Венгрии мадьяризма как национально-политической тенденции, задавшей целью заглушить все немадьярские народности Венгрии и переплавить их в народность мадьярскую, перестали появляться в ней ученые, которые, подобно старым Белю, Вагнеру, Бортоло-Мендесу, Катоне, Фейеру и н. др., не игнорировали вполне и славянства в своих исследованиях и изданиях. Теперь началось систематическое замалчивание в прошлом всего славянского, так что уже мадьяры являются главным героем венгерской истории, хотя всем известно, что не они, а славяне были господствующим народом Венгрии не только при Арпадовичах, но и в позднейшие века, при Корвине, Заполье, Раковском, вплоть до Кошута и Деака, вследствие чего история Венгрии настолько же славянская, как и история Хорватии, Чехии, Польши и вообще западного славянства.

В дальнейшем своём развитии мадьярский шовинизм дошёл до того, что задался целью вытравить все это славянство не только в настоящем, но и в прошлом Венгрии. Наглядным доказательством того служит упомянутая милленарная выставка, на которой в историческом отделе собрано много остатков старины мадьярской, отчасти и латинской, немецкой, румынской, но почти ничего славянского. Единственное исключение сделано для хорватов и сербов-босняков, которые, впрочем, не входят уже в Венгрию и имеют особую историю и особые стремления, тяготея в смысле и национальном и политическом вовсе не к Будапешту, а к Загребу и отчасти Белграду.

Мы не должны, впрочем, удивляться указанному смешению в нынешней мадьярствующей Венгрии задач научных с политическими. Более или менее это заметно и в других австрийских землях, например в Галичине, Чехо-Моравии, Словении, Далмации. Да и вся Габсбургская империя опирается скорее на историческом, чем на естественном праве, более на традициях, чем на народных желаниях и интересах. Потому-то и в истории возрождения австрийских славян чуть ли не главными деятелями пришлось быть археологам и историкам, каковы, напр., Добровский, Добнер, Шафарик, Палацкий, Томек, Эрбен, Воцель и др. Даже Коллар в своей знаменитой поэме

«Дочь Славы», которая признается чуть не евангелием всеславянства, признал нужным опираться главным образом на археологические данные. Отсюда понятно, почему мажарские шовинисты, воздвигнув гонение на славян современных, должны были принять меры, чтобы уничтожить их в венгерском прошлом - закопать их, так сказать, в землю и прикрыть эти могилы монументами мажаризма. В этих именно видах и сооружают они теперь такие монументы в семи пунктах, якобы прославленных в истории Арпада, фальсифицированной по анонимному нотарию короля Бели. В числе этих семи пунктов находится, между прочим, урочище Собор под Нитрой, в самом названии которого ясно выражается связь с церковной историей славянской, а не мажарской.

Таким образом, мажарская археология при нынешнем её направлении является не сотрудником, а скорее врагом археологии угро-славянской, которая вследствие того должна действовать совершенно самостоятельно, если желает разрешить хоть часть основных своих задач по отношению к этой стране и её населению. Такая самостоятельность тем необходимее, что в нынешней Венгрии более или менее успешно развивается лишь политическая литература, в частности же, публицистика. Историография же сильно поотстала, как видно из существующего в ней культа легендарной хроники упомянутого анонима Бели. Полумифический рассказ последнего о событии, столь отдалённом от него, как прибытие в Венгрию Арпадовой или вообще мажарской орды, считается в этой историографии как бы догматом веры, который по случаю миллениарного юбилея скреплён санкцией обеих палат и включен в свод законов. По отношению к нынешней мажарской филологии тоже подтверждается незаконченным еще спором последователей Буденца, с одной стороны, а Вамбери - с другой о чудском или тюркском происхождении нынешних мажар. Много ли можно ожидать славяноведению от такой истории, археологии, филологии, этнологии?

Самостоятельные разыскания в области угро-славянской археологии представляются тем более настоятельными, что количество её источников с каждым годом не увеличивается, а убывает. Я не имел возможности проверить нарекания местных славянских учёных на тенденциозное сокрытие мажарскими археологическими институтами следов и остатков угро-славянской стороны; но упрек этот представляется не невероятным ввиду общеизвестного факта насильственного закрытия мажарским правительством Словенской матицы в Турчанском св. Мартине с её библиотекой, архивом, музеем, которые если и не погибли еще, то стали совершенно недоступны для изучения. Столь же насильственным представляется упомя-

нутый уже выше тенденциозный подбор предметов, выставленных в историческом отделении будапештской выставки 1896 г. Никто не поверит, что в государственных и частных древохранилищах Венгрии, а отчасти Австрии, Турции и других соседних стран ничего не осталось от многовековой жизни и деятельности угорских славян. Очевидно, остатки эти упрятаны на задних планах музеев и архивов, если вообще они не исключены, так сказать, из описей по негодности.

Если к этому прибавить, что в нынешней Венгрии систематически вытесняется славянский язык из употребления не только официального, но, по возможности, и частного; что административными мерами и официальной картографией постепенно вытравляются славянские названия городов, селений, рек, гор, урочищ и т. п., заменяясь испорченными или новосочинёнными названиями мадьярскими, вроде, например, Балатон вм. Блатно, Каса вм. Кошицы, Бартфи вм. Бардеев и т. п.; что даже в фамильных названиях всё славянское искусственно и насильственно заменяется мадьярским; что вследствие такого гнета со стороны государства постепенно замирает и в народном употреблении словаков, угрорусов, угросербов, угрорхорватов и т. п. славянская речь, песня, сказка, словом, все живые предания славянской старины, то нельзя не признать, что по истечении нескольких десятилетий не может не сократиться материал угро-славянской археологии, а в некоторых случаях и совершенно исчезнуть. А с тем вместе затруднится или даже исчезнет возможность решения многих основных вопросов славянской древности, так или иначе обусловленных изучением вещественных и бытовых её остатков в Венгрии.

В несколько лучшем положении находятся в этом отношении земли угро-румынские, а именно те части Семиградии, Баната, Буковины, которые входят в племенной район археологии румынской. Последняя имеет сильные центры и в самой Венгрии, где еще сохранилась часть румынской аристократии и богатого духовенства, и еще более в Румынском Королевстве, ученые учреждения и общества которого принимают, наряду с богатыми частными лицами, живейшее участие во всем, что относится к истории и этнологии австро-угорских румынов.

В гораздо меньшей степени могут в этом отношении опираться на заграничные научные центры угорские славяне, особенно словаки и угрорусы, ибо сербы и хорваты по нужде могут иногда пользоваться содействием учёных белградских и загребских. Словаки лишь в слабой мере могли опираться в этом отношении на соседних чехо-морован, а угрорусы еще менее - на галичан, которые сами

довольно беспомощны в борьбе с враждебными стремлениями не только в жизни, но и в науке. Правда, от времени до времени в Венгрии появлялись и наши славяноведы, например, Надеждин, Срезневский, Ламанский, Грот, Кочубинский, Филевич и н. др., которым наука обязана некоторыми важными вкладами в угро-славянскую историю, этнологию, археологию; но подобные частные поездки, предпринимаемые обыкновенно в одиночку и со скудными средствами, не могут восполнить тех громадных пробелов в указанных областях славяноведения, для устранения которых необходимы коллективные усилия богатых материальными и нравственными средствами учреждений и обществ - вроде, например, тех, какие были в последние годы направлены в России на изучение археологии и этнологии Кавказа, Крыма, Средней Азии.

Необходимые для этнологического и археологического исследования Венгрии силы и средства можно бы, полагая, собрать, если бы во главе подобного научного предприятия стало русское Археологическое общество, которое могло бы в этом случае обратиться к содействию археологов червонорусских, чехо-словенских, сербо-хорватских, румынских и др., при посредстве соответственных заграничных учреждений и обществ. Можно бы, кажется, рассчитывать при этом и на содействие нашей Академии наук, Императорского Географического общества, летописца Нестора и др. Это было бы предприятием, достойным нынешнего положения русской науки вообще, а русской археологии в частности, ибо не может же последняя ограничить свои исследования древностями скифскими, чудскими, тюркскими и другими инородческими, оставляя на заднем плане древности славянские или славяно-русские, если они находятся за нынешними, случайными пределами Русского государства.

Правда, экспедиция в нынешнюю Венгрию, хотя бы даже столь невинная, как археологическая, могла бы возбудить разные подозрения в мадьярском или мадьяронском обществе и, следов., вызвать некоторые затруднения для участников. Но затруднения эти не могли бы быть столь значительны, как те, с которыми приходилось бороться Пржевальскому, Станлею, Нансену и побеждать их под знаменем науки. В данном случае славянские археологи могли бы, полагая, рассчитывать на содействие и русской дипломатии, которой было бы нетрудно исходатайствовать у местных властей разрешение для членов экспедиции производить раскопки, изучить музеи, библиотеки, архивы и т. п.

Но если коллективное предприятие этого рода оказалось бы невозможным по тем или другим причинам, то, быть может, найдется в России частный любитель археологии, который на собственные

средства снарядит подобную экспедицию, как это сделал недавно мадьярский граф Зичи, изучавший в России родину мадьяр и составивший значительную коллекцию, фигурировавшую на Будапештской выставке 1896 года.

Подобная даже частная русская археологическая экспедиция, направленная в страну, которая, по нашей Начальной летописи, была именно колыбелью славянства, могла бы не только дать важные научные результаты, но и поддержать дух угрославян, укрепить их народную память, хранящую столько остатков «живой старины», следов., спасти от гибели хоть часть последней.

На основании изложенного я просил бы съезд выразить пожелание, чтобы наши археологические учреждения и общества включили Венгрию в круг своих исследований, от времени до времени снаряжали бы туда научные экспедиции и оказывали содействие частным лицам при изучении и издании хранящихся в ней остатков славянской древности.

Источник: *Будилович А.С. О задачах славяно-русской археологии по отношению к областям и народностям нынешней Венгрии // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. С. 264-269.*

Source: *Budilovich A.S. On the objectives of Slavic-Russian archeology concerning regions and nationalities of present-day Hungary. The Works of the 10th Archeological Congress in Riga. 1896. Under the editor graf P.S. Uvarov. Moscow: Typography of G. Lissner and A. Geschel, 1899. pp. 264-269.*

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of

the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.